

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVI

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
(География, этнография, история)

К н и г а 3

Москва
Главная редакция восточной литературы
1989

Е. С. Борочина

**МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ АНДРЕЕВ
И ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ИНДИИ В ТУРКЕСТАН
в 1907 г.**

С именем Михаила Степановича Андреева (1873—1948) связаны славные страницы истории русского и советского востоковедения. Выдающийся этнограф и лингвист, свободно владевший многими восточными языками и диалектами, М. С. Андреев интенсивно вел полевые этнографические исследования, был участником и руководителем ряда экспедиций в Средней Азии и неутомимым путешественником, побывавшим в Индии, Афганистане, Восточном Туркестане. Он по праву считается одним из самых выдающихся советских востоковедов-этнографов¹.

М. С. Андреев получил систематическое образование лишь в объеме учительской семинарии. Его интерес к этнографии народов Востока сформировался очень рано. С детства (М. С. Андреев родился и вырос в Ташкенте) он мог наблюдать быт и обычаи узбеков, таджиков, казахов, других народов, слышать их живую речь. С гимназических лет он стремился к изучению восточных языков, в шестнадцатилетнем возрасте М. С. Андреев поступил в Туркестанскую учительскую семинарию — единственное в Ташкенте русское учебное заведение, где преподавались персидский, узбекский и арабский языки. Его преподавателем в семинарии был известный востоковед В. П. Наливкин. Вероятно, именно под его влиянием у молодого М. А. Андреева сформировалось представление о том, что занятия этнографией требуют безукоризненного знания языков, так же как для глубокого познания языка необходимо изучение быта, обычаев, фольклора. Этому принципу Михаил Степанович следовал в своей научной деятельности всю жизнь. В годы учения в семинарии М. С. Андреев брал частные уроки у мударриса ташкентского медресе, с которым читал персидскую литературу, арабские и турецкие тексты. О своих занятиях в медресе он писал: «Учение в медресе было очень интересно. Оно давало мне возможность ознакомиться не только с языками (в бухарско-ташкентском произношении моих учителей), но открывало мне реальную жизнь, строй мышления, верования, обычаи, а в области языка дало мне возможность быстро и свободно говорить и приучило меня к хорошему ташкентскому произношению. В общем, это как-то хорошо открыло мое сердце, приучило ува-

жать и хорошо относиться к людям, видеть в них доброе и хорошее и там, где язык и уклад жизни не походили на те, в окружении которых я вырос в детстве» (цит. по [14, с. 4]). По окончании ташкентской учительской семинарии М. С. Андреев в течение нескольких лет преподавал в этой же семинарии и в ташкентском реальном училище. Уже в юные годы он совершил свои первые поездки по Средней Азии, которые чрезвычайно обогатили его знание языков, быта и фольклора местного населения.

С 1896 г. М. С. Андреев начал работать в качестве личного секретаря А. А. Половцова, чиновника по особым поручениям министерства внутренних дел. Эта работа предоставила Михаилу Степановичу возможность совершить поездки по Средней Азии, на Кавказ, в Петербург, в Индию, во Францию. В Петербурге он имел возможность углубить свои теоретические познания в занятиях с С. Ф. Ольденбургом, В. В. Радловым, К. Г. Залеманом. Многочисленные путешествия и общение с выдающимися петербургскими востоковедами способствовали приобретению М. С. Андреевым энциклопедических знаний в области востоковедения, явились его университетами.

В многочисленных экспедициях по Средней Азии, Памиру, Восточному Туркестану М. С. Андреев проявил себя непревзойденным собирателем материалов. Его этнографические и лингвистические записи отличает исключительная точность.

В 1926 г. Михаил Степанович работал в качестве старшего переводчика при особой советской миссии в Афганистане, где ему удалось собрать сведения по языку и быту населенной таджиками долины Панджшир, на основании которых им была написана книга «По этнологии Афганистана. Долина Панджшир» [4].

На протяжении нескольких десятилетий, с 1901 по 1943 г., М. С. Андреев последовательно изучал имеющие ряд архаических особенностей язык и быт таджиков труднодоступной долины Хуф в Рушане. К сожалению, автору не удалось полностью подготовить к печати собранные им обширные и чрезвычайно интересные материалы, касающиеся поистине всех сторон жизни таджиков долины Хуф. «Таджики долины Хуф» [6; 7] — этот фундаментальный труд ученого в области изучения этнографии таджикского народа был издан уже после смерти Михаила Степановича.

М. С. Андреев активно занимался музейной работой, участвовал в постоянном пополнении фондов музеев нашей страны, в расширении краеведческих музеев Средней Азии.

Как особую заслугу ученого необходимо упомянуть его многолетнюю педагогическую деятельность. М. С. Андреев воспитал не одно поколение советских исследователей Востока. Его учениками были Е. М. Пещерева, А. К. Писарчик, О. Д. Чехович, О. А. Сухарева, П. П. Иванов, А. М. Беленицкий, О. Л. Орестов, А. Л. Троицкая, Н. Н. Ершов. Михаил Степано-

вич был талантливым педагогом. Занятия с ним навсегда остались в памяти его учеников. Рассказы его о нравах и обычаях народов Востока, как вспоминает его ученица и сотрудница во многих экспедициях, известный этнограф Е. М. Пещерева, были настолько красочны и интересны, что слушатели живо представляли себе все, о чем он говорил. Его языковые занятия, для которых в то время имелись лишь самые примитивные пособия, также были чрезвычайно интересны и полезны благодаря его прекрасному знанию языков, живости и эрудиции. Щедро и бескорыстно отдавал он ученикам все свои знания. Михаил Степанович уделял большое внимание экспедиционным поездкам студентов по Средней Азии, сам их организовывал и всегда интересовался их результатами. В общении с людьми он был безукоризненно вежлив.

Научные заслуги М. С. Андреева, его многолетняя работа в Узбекском и Таджикском филиалах АН СССР, руководство многими экспедициями и активное участие в них, длительная педагогическая деятельность были высоко оценены. В 1929 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1942 г. — действительным членом АН Узбекской ССР. Ему было присвоено звание профессора, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР и Таджикской ССР. В 1929 г. в своем отзыве о М. С. Андрееве представившие его к избранию в члены-корреспонденты АН СССР академики С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, Ф. И. Щербатской и И. Ю. Крачковский писали: «М. С. Андреев родился на Востоке, всю жизнь прожил на Востоке... и справедливо считается одним из тончайших, глубоких знатоков быта и вообще жизни нового Востока в Средней Азии и Индии. Если к этому прибавить его превосходное знание целого ряда языков и многочисленных наречий, главным образом иранского корня, то ясно, что в лице М. С. Андреева мы обладаем востоковедом, какие встречаются не часто... Та точность, которую Андреев, как хороший лингвист, проявляет во всех своих работах по языку, соблюдается им во всех этнографических работах, из которых большинство образцовые» [15, с. 1—3].

За многие годы интенсивной работы М. С. Андреев собрал обширнейший материал по этнографии, лингвистике, фольклору, представленный в дневниковых полевых записях, черновых заметках. Из накопленного материала была издана лишь сравнительно незначительная часть. Это объясняется несколькими причинами, о которых сам М. С. Андреев говорил следующее: «Мне все казалось, что мной собрано еще недостаточно, что материал все еще не освещает удовлетворительно ту область, по которой он собирался, что нужно еще разрешить те или иные вопросы и тогда будет яснее. Мешал также и соблазн собирать интересный, бесследно исчезающий материал по другим темам, за что я брался вместо того, чтобы подготовить к печати написанное ранее» (цит. по [14, с. 19]).

М. С. Андреев несравненно больше придавал научного значе-

ния точному и детальному фиксированию крайне мало изученных и уходящих в прошлое обычаев, быта, фольклора народов Средней Азии, чем обработке уже собранных сведений. Бескорыстие истинного ученого звучит в его словах: «Я пришел к заключению, что важнее всего было изготовление „кирпичей“, как я мысленно называл различные отрывки с записанными фактическими сведениями, и считал что „здания“ из таких кирпичей с большим успехом могли бы строиться потом другими работниками» (цит. по [14, с. 19]).

М. С. Андреев в своем научном наследии, в частности в архивных материалах, оставил настоящую сокровищницу ценнейших сведений по этнографии народов Средней Азии, Афганистана, Индии, Восточного Туркестана. Все эти материалы, несомненно, заслуживают изучения и опубликования. Задача публикации этих фондов не раз была отмечена в научной печати. Благодаря кропотливому труду Антонины Константиновны Писарчик, жены и друга М. С. Андреева, уже после его смерти появились доработанные и дополненные ею «Ягнобские тексты» [5], два тома «Таджики долины Хуф» [6, 7], «Материалы по этнографии Ягноба» [8]. В 1972 г. вышла книга «Арк Бухары», подготовленная к печати О. Д. Чехович и А. К. Писарчик по рукописи М. С. Андреева, включающая материалы по бухарскому арку, дворцовому быту, некоторые исторические сведения и пр. [9]. Т. Г. Абаевой и А. Л. Грюнбергом были изданы ценные языковые и этнографические материалы по восточным кати (одной из четырех групп населения мало изученной области современного Афганистана — Нуристана, бывшего Кафиристана), собранные М. С. Андреевым в 1902 г. [1, с. 130; 12, с. 23]. Основная же часть материалов осталась в научном архиве М. С. Андреева в виде работ, только частично подготовленных к изданию, а в значительной части в виде необработанных полевых записей. Краткое описание научного архива М. С. Андреева было сделано А. К. Писарчик [14, с. 23—29]. Научный архив М. С. Андреева хранится в Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Многие его рукописи, главным образом ранних работ, находятся в Архиве востоковедов ЛО АН СССР. Они поступили туда в составе архива академика К. Г. Залемана, которому Михаил Степанович передал в свое время все свои записи, позже были выделены в отдельный фонд (ф. 3).

В числе документов, хранящихся в Архиве востоковедов ЛО АН СССР, имеется дневник М. С. Андреева «Поездка из Индии в Туркестан сухим путем в 1907 г.» [3]. Подлинник дневника сохранился полностью до нашего времени. Первая тетрадь дневника с записями от начала мая 1907 г. (Бомбей) до 30 июля/14 августа 1907 г. (сел. Лянгар-Буйра) хранится в личном архиве М. С. Андреева в Душанбе в Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Оригинал второй тетради дневника с записями от 1/14 августа 1907 г. (сел. Пос-

кем) до 2/15 сентября 1907 г. (сел. Намамгут) находится в Архиве востоковедов ЛО АН СССР [3]. Однако фонд М. С. Андреева в Архиве востоковедов содержит полный текст всего дневника, который составляет 114 страниц. Текст частично переписан рукой М. С. Андреева (с. 1—62), частично дан в машинописи (с. 63—114). Оригинал второй части дневника представляет собой небольшую тетрадь (16,5×20,5 см), переплет темно-фиолетовый, текст имеет 39 страниц, чернила черные, почерк достаточно разборчивый, тетрадь, видимо, была подмочена.

Путешествие, описание которого содержится в дневнике, М. С. Андреев совершил с мая по сентябрь 1907 г., возвращаясь в Россию из Индии, где он находился с 1905 г. в качестве личного секретаря генерального консула в Бомбее А. А. Половцова. В Индии помимо прочих служебных обязанностей М. С. Андреев по поручению Российской Академии наук занимался сбором этнографического материала, рукописей, коллекций, приобретая ценные экспонаты порою за свой счет. В 1913 г. М. С. Андреев прислал в Азиатский музей Академии наук (ныне Институт востоковедения АН СССР) из Пондишери коллекцию тамильских рукописей на пальмовых листьях. Она состояла из 17 единиц. Определенный интерес в ней представляют медицинские трактаты [11, с. 132]. По окончании службы в Индии, в 1914 г. М. С. Андреев передал в Музей антропологии и этнографии коллекцию, насчитывающую более тысячи различных, нередко уникальных предметов [14, с. 8]. Одним из наиболее ценных экспонатов является фрагмент портика дворца из г. Насик (пров. Бомбей) — памятник деревянной монументальной архитектуры, представляющий собой большую редкость, так как подобных памятников в Индии сохранилось мало. В настоящее время этот великолепный деревянный резной портик украшает экспозицию индийского зала Музея антропологии и этнографии.

Получив в 1907 г. отпуск, М. С. Андреев решил проехать в Среднюю Азию сухим путем — из Кашмира через Гималаи по перевалу Каракорум в Западный Тибет, оттуда в Восточный Туркестан (Яркент), а затем через Таш-Курган, оз. Зоркуль, Вахан, Шугнан и Восточный Памир в Ферганскую долину. О причинах выбора такого маршрута М. С. Андреев писал в своем дневнике: «...на Памире я надеялся пополнить филологические записи по наречиям горных племен верховьев Панджа. Правда, маршрут через Восточный Туркестан являлся несоразмерно длинным, но для меня он был единственно возможным, так как англо-индийское правительство очень ревностно относится ко всяким попыткам неанглийских путешественников переехать индийскую сухопутную границу, и для меня, русского, выхлопотать разрешение на проезд в другом, кратчайшем направлении представлялось более чем затруднительным» [3, л. 3].

Во время всего путешествия М. С. Андреев вел дневник, де-

лая довольно подробные записи, как правило, ежедневно. Он редко говорил о трудностях пути, но по имеющимся в дневнике скудным замечаниям можно понять, что путешествие было необычайно трудным и даже опасным.

Дневниковые записи, как и все записи М. С. Андреева, отличается прекрасный литературный язык, точность в описании деталей, передаче и транскрибировании топонимов, острога наблюдений. В дневнике М. С. Андреев приводит много географических, этнографических сведений, рассказывает легенды, связанные с местами, по которым он проходил, описывает населенные пункты и архитектурные памятники, встреченные им по пути. Так, о происхождении названия р. Пандж в дневнике есть запись следующего предания: «По объяснению ваханцев, р. Пандж получила свое название от того, что раньше этой реки не было и Али приложил свою руку („пятерню“) несколько выше Базаи-Гумбеца (верстах в шести выше Базаи-Гумбеца к перевалу Вахджир). От отпечатков пяти пальцев Али забили пять ключей, которые и составляют начало р. Аму, под названием Аб-и-Вахджир, по имени перевала. Другой вариант происхождения названия реки мне довелось слышать следующий: река называется так по имени пяти речек, образующих ее начало:

- 1) Оби-Буругиль,
- 2) Аб-и-Иршод,
- 3) Аб-и-Вахджир,
- 4) Аб-и-Куль-и-Андеман,
- 5) Аб-и-Лянгар (т. е. р. Памир).

Хребет Гиндукуш известен среди таджиков под названием Ку-и-Дароз (Длинные горы). Река Пандж известна у бадахшанцев под названием Дарья-и-Хому (т. е. Аму). Крепости на Афганском берегу Кала-и-Панджа и Кала-и-Бар-Панджа тоже получили свои названия от имеющих при них следов пяти пальцев Али; это места богомолья горцев» [3, л. 114].

Научный интерес представляют этнографические заметки, сделанные М. С. Андреевым в дневнике. Так, он записывал суеверия местного населения, которые являются интересным этнографическим материалом: «Между местными киргизами существует также верование в „яда-таш“, как и среди многих среднеазиатских народов. По их мнению, манипуляции с камнем „яда“ производятся следующим образом: берут и режут черного барана, собирают в сосуд его кровь, опускают туда на три или семь дней камень. За это время кровь высыхает, а самый камень берут и читают над ним соответствующую молитву (первую суру Корана наизусть, с конца, за что „ядачи“ — заклинатель и считается хуже семи неверных). После чтения молитвы собираются на небе тучи и падает дождь. Если вымыть камень и положить в чистом виде на воздух — устанавливается ясная погода. Если привесить камень на нитку и начать раскачивать — поднимается ветер. Очень большие ядачи (та-

ковсой, например, имеется в Кос-Арде), подержав камень в крови черного барана, сосуд с кровью закапывают в землю, а сами убивают желтую собаку и лижут ее кровь» [3, л. 95].

В дневнике имеются интересные записи о социальных и товарно-денежных отношениях населения районов, пройденных М. С. Андреевым, живые сцены общения с местным населением, описание природных условий. Немногие путешественники проходили этим путем и довольно скудна литература о нем². Готовя к печати свой дневник, М. С. Андреев писал: «Ведя настоящие записи во время моей поездки из Индии в Россию в 1907 году, я вовсе не имел в виду их появления со временем в печати, а записывал без определенной цели лично для себя лишь то, что казалось мне или более интересным, или что могло послужить в будущем для какой-нибудь справки по посещенным мною местам. Так как литература, касающаяся пройденного мною пути, сравнительно невелика, то, по совету некоторых лиц, видевших мои дорожные записи, позволю себе их печатать в том виде, как они были ведены, несмотря на всю их отрывочность и несовершенство» [3, л. 1].

Дневник так и не был опубликован. Ниже приводим извлечение из дневника М. С. Андреева — описание его перехода через перевал Каракорум, самый высокий перевал, через который путешественнику пришлось проезжать. Мало кому из русских путешественников довелось проходить через этот перевал, уже поэтому заметки М. С. Андреева заслуживают внимания. В передаче топонимов мы следуем транскрипции, принятой в современных востоковедных изданиях.

л. 15

// 30 июня/14 июля. Лех

Живу в Лехе в ожидании возвращения с охоты П. А. и майора Ф. Шесть переходов от Мульбека до Леха, тянущиеся по сравнительно населенной местности, очень подробно описаны в путеводителях, почему я не буду о них распространяться. По этой же причине я коснулся только местами пути от Сринагара до Леха.

Столица Ладака немного разочаровала меня своими размерами. Я ожидал встретить по крайней мере то, что, по нашим понятиям, представляло бы хотя небольшой город, но на самом деле Лех является скорее деревней. Два длинных ряда лавок с несколькими закоулками составляют базар. Тут же неподалеку в разных местах среди домов местных обывателей расположены караван-сарай, где останавливаются приезжие купцы. На скалистом отроге, у подножия которого расположен базар, возвышается большое здание тибетской архитектуры, видимое издали — дворец прежних королей Ладака.

л. 16

// Последний из них жив еще до сих пор и проживает в деревне по ту сторону р. Инд. Власти он теперь никакой не имеет, но пользуется большим уважением среди своих бывших подданных. Раз в год он приезжает в свой дворец и с неделю живет в нем. Деревня, где

постоянно проживает бывший король, отведена ему кашмирским правительством, и доходы с нее собираются кашмирцами, как с прочих селений Ладака, а идут в пользу бывшего короля. Сын его учится вместе с мальчишками Леха в общей школе, и вообще король и его семья живут сравнительно очень бедно.

Лех и в настоящее время является административным центром Ладака и его главным населенным пунктом. Так как страна управляется кашмирцами под контролем англичан, то здесь живут оба представителя власти. От имени кашмирского правительства Ладаком управляет губернатор-индус, более известный под именем «вазира». В Лехе же живет единственный в стране англичанин — British Joint Commissioner, наблюдающий за действиями вазира. // Мне доводилось слышать, что во вла- л. 17
дениях туземных правителей Индии, для того чтобы предупредить злоупотребления всякого рода, очень распространенные в туземной администрации, практикуется иногда система назначения на одну какую-нибудь административную должность одновременно двух лиц: индуса и мусульманина. Делается это с тем расчетом, что в силу религиозной розни оба будут ревниво следить и не давать один другому наживаться за счет казны и народа. Я слышал, что на практике религиозные интересы отлично поддаются материальному искушению и пары часто действуют очень согласо в целях обоюдной выгоды. В настоящее время вазирь в Ладаке совмещает обе эти должности.

Кроме английского правительственного агента в Лехе живут еще несколько европейцев — миссионеры моравской церкви (двое мужчин и несколько женщин). Они издают маленькую газету — единственную в мире, выходящую на тибетском языке³.

Большинство жителей Леха — аргуны. // Так здесь назы- л. 18
вают смешанный тип, происшедший от браков приезжих яркендских, баджаурских и всяких других купцов на тибетках. Аргунцы [аргуны] более красивы, сильны и энергичны, чем чистокровные тибетцы, хотя эти качества колеблются от количества примеси в крови. Они почти все мусульмане.

Лех оживает в летние месяцы, когда с наплывом караванов заключаются всякие торговые сделки, подряжаются возчики, хлопочут по снаряжению караванов и т. д. Летом же наезжают туристы, хотя и в очень небольшом количестве из-за упомянутого мною выше ограничения, вызванного желанием сохранить запасы зерна для купеческих караванов. Несмотря, однако, на все чрезвычайные усилия, которые делает англо-индийское правительство для поддержания торговли с Восточным Туркестаном, ясно бросается в глаза вся ненормальность подобного торгового сообщения и вряд ли можно надеяться на дальнейшее развитие торговли из-за крайне тяжелых условий движения по этому пути.

Купцы из Восточного Туркестана, с которыми мне приходилось встречаться в Сринагаре, // жаловались мне, что вследствие л. 19
трудности пути через Гималаи большая часть купцов с про-

ведением железной дороги до Андижана предпочитает теперь более спокойную дорогу на Ош риску и дороговизне пути до Леха. Стоимость провоза между Лехом и Яркендом действительно очень высока. В то время как провезти лошадиный выюк в шесть пудов от Сринагара до Леха (17 переходов — 242½ мили) обходится обыкновенно около 9½ рупии, стоимость провоза того же выюка от Леха до Яркенда (32 перехода — 482 мили) колеблется от 60 до 70 рупий.

- л. 20 Вследствие полного отсутствия корма и жителей на пространных десяти переходах от Панамика [тиб., букв. «Око небесного процветания»⁴], последней деревни в Ладаке, до Сугета, первой киргизской стоянки на китайской территории, приходится брать с собою не только запасы хлеба для людей, но и в достаточном количестве зерна для животных. К тяжелым условиям нужно прибавить то, что почти все время приходится идти на большой высоте, отчего // многие лошади заболевают горной болезнью и громадный процент их погибает, выбившись из сил от бескормицы и горной болезни. Некоторые же перевалы — Кардонг [тиб. «Белый проход»], Сассыр, Санджу [тиб. «Чистый (или святой) проход»] — обыкновенно настолько труднопроходимы, что для избежания потерь лошадьми их хозяева сплошь да рядом предпочитают нанимать у местных жителей на выюки яков и переводить лошадей порожняком, что представляет новый накладной расход. По установленной правительством таксе, наем яков через перевал Кардонг стоит 2 рупии, через перевал Сассыр — 4 рупии. Ко всему вышесказанному надо прибавить, что путь этот открыт не круглый год, и караваны успевают обыкновенно сходить только раз в один конец и вернуться обратно.

5/19 июля. «Каменная хижина»
перед перевалом Кардонг

Вчера мы выехали из Леха часа в три пополудни. Последние дни в Лехе у нас в Dak-Bungalow был целый базар. Покупали лошадей, выючные седла, попоны и пр. и пр.

- л. 21 Так как // нам предстояло перевалить через перевал Кардонг, то, чтобы сохранить силы лошадей, выюки с места были отправлены на яках, которые, хоть и выступили одновременно с нами, выехавшими на лошадях, но, конечно, очень быстро отстали. Дорога из Леха идет на север вверх по долине, по которой протекает речка, орошающая Лех. Ночевали под самым перевалом у каменной хижины. Барометр майора Ф. показывает 14 800 ф. [4514 м]. Ночью, очевидно благодаря непривычной еще высоте, спали довольно плохо.

Я забыл прибавить, что наконец в Лехе я получил желанный пропуск и теперь путь для меня открыт.

Сегодня перевалили через перевал Кардонг (17 500 ф. [5328 м]). На вершине сделал наблюдения с барометром и кипятильником. Ехали на яках — один, на котором я сидел, на спуске чуть было не убил меня, бросившись стремглав вниз, когда я только что вскочил на него, и, дав на карьере большого козла, перебросил меня через голову на камни.

Перевал со стороны Леха довольно труден и утомителен. Подъем на перевале, несмотря на то что лошади шли без вьюков, некоторые из них сильно страдали от горной болезни. // Лошадь майора Ф. на вершине перевала совсем стала л. 22
проломить, но выручил наш старый яркендец Фазиль-Бай, проколол ей ноздри и какую-то вену в языке. Эта операция произвела самое магическое действие — лошадь сразу вскочила.

Не могу не упомянуть, что когда на самой вершине перевала я производил наблюдения и снимал фотографии, то заметил среди камней маленького крысенка, правда, какой-то, как нам показалось, особой породы. И это на высоте 17 500 ф. среди камней и снега!

Спуск с перевала идет целиком по снегу приблизительно на полверсты или версту. Параллельно нашему спуску видны ступени, вырубленные в обледенелом снегу проходившим раньше караваном. На склоне же со стороны Леха снег лежал пятнами. Кардонг — небольшое, давшее перевалу название селение. В нем есть сарай для проезжающих, где мы и остановились на ночь.

7/21 июля. Селение Трит на берегу р. Шайок
[тиб. «Движущаяся поверхность»]

Наш ночлег сегодня в селении Трит очень хорош. Много зелени, деревья и травы. Из Кардонга дорога шла все время вниз. Выйдя верст 6—7 на р. Шайок, мы продолжаем спускаться ее левым берегом и версты 3—4 выше переходим через мост на правый. Мост такой же, как, кажется, и все мосты, устроенные английскими инженерами в этих местах. // Подвешен на проволочных канатах и шатается вовсю при переходе через него. Само собой, пропускается одновременно только по одной лошади. л. 23
Английская 4-мильная карта, лучшая из имеющихся, которой мы и пользуемся, сильно устарела с своими сведениями. Она очень хорошо издана, но, к сожалению, составлена по старым съемкам и показывает такие дороги, по которым уже давно перестали ходить, так как проведены с тех пор новые, которые на этой карте не обозначены. От Кардонга, например, теперешняя дорога все время следует по течению речки, впадающей в р. Шайок. Выйдя в долину Шайока, дорога по левому берегу этой речки, а потом по мосту переходит на правый берег и подходит к селению Трит. На карте же она забирается на горы (нам, действительно, показывали старую, брошенную теперь дорогу, уходящую влево, взбираясь на скалы) и проходит по дру-

гому берегу мимо Трита, переходя потом речку Шайок вброд у впадения в последнюю р. Нубры⁵.

На сегодняшнем привале к большой радости П. А. и майора Ф. // оказалось много куропаток и зайцев, что явилось очень подходящим подспорьем к нашему столу.

По р. Шайок попадаете среди зарослей кустарника также и гребенщик — старый знакомый по Туркестану.

11/24 июля. Панамик

9/22 июля ночевали в селении, которое наши яркендцы называют Тагар. Дело в том, что здесь для многих мест существуют два названия — местное тибетское и яркендское, даваемое проезжими яркендцами, что, понятно, порождает путаницу.

Сегодня вторую ночь проводим в селении Панамик, так как, приехав вчера, получили уведомление от местной администрации, что все путешественники — купцы и саибы, безразлично, должны останавливаться на один день в этом селении и что яки, которые нам нужны для предстоящего перехода через перевал Сассыр, будут собраны через день. Пришлось подчиниться. //

12/25 июля

Сегодня выступили часов в 8 утра из Панамика и часа через три подошли к перевалу из долины Нубры в долину реки Тулюмбути. Эта речка впадает в р. Нубру, но при выходе ее в долину последней берега ее так отвесны и течение ниспадает так быстро, что сообщение вдоль по берегу в этом месте невозможно. Старая дорога (которая только и показана на карте) шла далеко в обход, и перевал, говорят, был очень труден. Теперешний перевал, дорога на который начинает подниматься от впадения реки Тулюмбути в долину Нубры, в общем довольно отвесен и поднимается высоко, но так как дорога идет вверх хорошо разработанными зигзагами, то подъем совершенно возможен для навьюченных лошадей.

Остановились на ночлег, спустившись с перевала на берегу упомянутой реки Тулюмбути. Наши ладакцы называют это место Умлюнг (Умлунг), // но, кажется, что это значит чуть ли не то же, что киргизское слово «джилга» [букв. «ложбина ручья», «долина» (см. [16])].

Место нашей остановки сдавлено очень тесно сходящимися горными цепями по обоим берегам реки. Травы тут почти никакой, и бедные лошади обречены довольствоваться скромной дачей захваченного с собой ячменя. Последний выдается в небольших дозах не только для того, чтобы сэкономить захваченные запасы, но также и с целью предохранения лошадей [от] болезни, которой более подвержены сытно и плотно наевшиеся люди и лошади. Все горные жители Средней Азии уверяют, что люди особенно расположены к заболеванию горной болезнью после того, как поедят мяса. Очень рекомендуется кислое молоко (простокваша) и вообще легкая, возбуждающая пища.

Перевал, который мы перевалили сегодня, открыт и сделан доступным несколько лет тому назад. Он называется тем же именем, что и старый, который он заменил, лежащий теперь в стороне. Путь на него шел далеко в обход // теперешнего направления. Яркендцы и тот и другой перевал называют Куруль-Даван, ладакцы — Ляскя [тиб. «Горный проход», «Переход через перевал»]. Завтра будем проходить мимо последнего населенного Джингмоче [тиб. «Большое вспаханное поле» или «Обладающий большим полем для вспашки»], на карте Zingmoschu, где имеются последние посевы и даже, говорят, кто-то живет.

13/26 июля. Перед перевалом Сассыр

Выступили с ночлега в 6 ч. 45 м. утра и попали как раз под дождь — мелкий, холодный, с ветром. Селения Джингмоче так и не видели. Очевидно, маленький посев и какая-нибудь хижина. Дорога шла все время долиной речки Тулюмбути вверх по ее течению. Верстах в 12 от оставленной нами стоянки открывается вид на обширный ледник, покрытый моренами. С правой стороны ледника в него впадает другой, белоснежный, красиво свешивающийся над первым. Из ближнего ледника вытекает Тулюмбути, принимающая тут же слева другой ручей, вверх по которому и продолжался наш путь.

Местность, где берет свое начало // речка Тулюмбути, называется яркендцами Тути-Яйлак, т. е. летние пастбища поний (тути — горная лошадка из Ладака). Здесь есть подножный корм, и обыкновенно тут же останавливаются на ночлег проходящие караваны. Мы, однако, предпочли подняться выше, чтобы сократить завтрашний переход, и остановились перед подъемом, который предшествует перевалу Сассыр. Яркендцы называют это место «ангарчанын тууби» («конец ледника») по имени ледника, или, вернее, двух, которые выходят в эту небольшую котловину. Немного выше Тути-Яйлака мы приостановились на завтрак вскоре после выпавшего снега, которым все было покрыто кругом. Сухость воздуха в этих местах благодаря высоте такова, что, пока мы пили чай, т. е. в продолжение минут сорока, все уже исчезло, и мы продолжали путь частью по камням, а частью по мураве.

//14/27 июля. Сассыр-Брангса л. 29

Сегодня перевалили через Сассыр. Выступили около 4 часов утра, чтобы пройти через перевал по подмерзшему снегу раньше, чем его прогреет солнце и он станет рыхлым. Выступив, мы сразу стали подниматься к леднику, спускавшемуся против нашего лагеря. Дорога была утомительна. Можно было удивляться нашим лошадям, не оставшимся без ног после прыжков между камнями моренных образований.

Взобравшись на первый хребтик, дорога несколько времени идет параллельно обрыву ледника, а потом взбирается на лед-

ник и идет на протяжении 3—4 верст по толщам белого снега. Вершина перевала приходит на высокое место ледника. Лошади довольно часто проваливались сквозь верхнюю кору, но в общем, принимая во внимание условия перехода через большой ледник, дорога была довольно удовлетворительна. Очень помогло наше раннее выступление, так как верхняя, замерзшая за ночь кора не успела еще растаять. Лишь // к концу пути, когда солнце уже пригрело, идти стало труднее и лошади начали уже больше проваливаться, но, к счастью, оставалось пройти только небольшое пространство до конца ледника.

Иногда, говорят, движение через перевал бывает крайне затруднительным. Верить этому очень легко при виде кладбища лошадиных остовов, рассеянных на всем протяжении подъема к перевалу Сассыр до нашего сегодняшнего ночлега включительно.

Спуск с перевала удобен и много легче подъема. В том месте, где пролегает путь, спускающийся к теперешнему нашему ночлегу, ледник постепенно переходит на нет без отвесного обрыва, как на первом конце перевала. От конца ледника до места нашего сегодняшнего ночлега на берегу р. Шайок версты три по хорошему пологому спуску. На месте нашей остановки водятся волки. Молодой яркендец, из встреченного нами здесь каравана, рассказывал мне, смеясь, что они поймали вчера волчонка // и посадили на веревку, но ночью он перегрыз ее и убежал.

На окрестных дорогах наши люди видели пасшиеся стада горных козлов (ибел).

*15/28 июля. «Булак», показанный на карте
под названием «Murgo»*

Выступив утром из Сассыр-Брангса, мы тотчас же (минут через десять) подошли к броду через р. Шайок. На лето в Сассыр-Брангса постоянно посылаются от правительства двое ладакцев, чтобы показывать брод проходящим караванам. Из наших лошадей первыми стали переправляться лошади майора Ф., подошедшие раньше к реке. Течение было довольно быстрое, но вода не доходила лошадям выше брюха. Тем не менее одна из лошадей майора упала в воду, кажется отклонившись немного от брода, и выюки поплыли по воде. К счастью, бросившимся ладакцам удалось их вытащить. Мы с нашими выюками переправились благополучно.

В прежние годы путь от Сассыр-Брангса на Каракорумский л. 32 перевал // шел вверх по течению р. Шайок. Яркендцы, ходившие тем путем, говорили, что он был короче и удобнее существующего и имел к тому же сравнительно больше травы. К сожалению, эта дорога закрыта в настоящее время спустившимся ледником и движение по ней невозможно.

Переправившись через Шайок, мы поехали вверх по течению небольшой речки, впадающей в Шайок против Сассыр-Брангса.

Дорога шла, переходя все время с одного ее берега на другой, среди довольно тесно сходящихся скал, сжимающих речное ложе. Пройдя версты три вверх по речке, тропинка (теперь разработанной дорожки после Сассыр-Брангса уже больше нет) поворачивает вправо и через очень тесный и неудобный проход среди скал вверх по руслу ручья выходит на довольно широкую, длинную равнину, окаймленную горами, где дорога хороша. Вскоре проходим мимо небольшого озера, лежащего между двух поперечных водораздельных возвышенностей в этой долине и затем, начав спускаться по очень легкому уклону, // л. 33 пройдя вскоре мимо Чонг-Таш — «Большого камня», подошли к сегодняшнему ночлегу. Дорогой опять поразило нас громадное количество лошадиных трупов и костяков. Прямо сплошное кладбище. На одном нашем привале их штук 10—20.

*Урочище Кизил-Унгур [тюрк. «Красная гора»]:
16/29 июля*

Сегодня сделали, кажется, около 18 миль, причем перевалили два небольших перевала, поднимаясь оба раза речкой, вверх по течению которой мы шли в тех случаях, где дорога по берегу становилась невозможной. Места были дики и живописны. Дорога немного утомительна в первой своей половине спусками и подъемами, но потом идет (мимо // Бурса к Кизил-Унгуру) по широкому ложу речки и незаметно поднимается вверх. Травы на нашей остановке нет никакой, и лошади обречены на полное голодание. // л. 34

При сравнении названий мест, которыми мы проходили, по английской 4-мильной карте с туземными названиями видно, что последним очень не повезло в английской транскрипции.

Чуджаш-Джилга. 17/30 июля

По словам наших яркендцев, разные урочища, через которые нам придется проходить, идут после Каракорумского перевала в следующем порядке:

- 1) Барангсы,
- 2) Баксун-Булак,
- 3) Вахаб-Джилга (место бывших ладакских аванпостов),
- 4) Чадыр-Таш,
- 5) Найза-Таш,
- 6) Чонг Дарваз Сегут,
- 7) Кирик,
- 8) Мелик-Ша,
- 9) Чибра,
- 10) перевалив Сугет Даван в Хотаз-Джилга,
- 11) Сугет Джангал.

Я думаю, что это слово (Балангсы, Брангса [тиб., букв. «место, где проходят, чтобы следовать дальше», т. е. просто «перевал»]), наверное, просто обозначает «по ту сторону», «подножие пере-

вала» или что-нибудь в этом роде, так как применяется ко многим перевалам.

- л. 35 // Яркендцы рассказали мне сейчас, что мы попали довольно удачно, так как в этом году половодье в местных речках очень позднее. Дней через двадцать, по их словам, наступит время самой большой воды и дорога в тех местах, где приходится переходить через реки, во многих случаях станет непроходимой от 10 часов утра до полуночи или даже до утренней зари. Это продолжается дней 15—25, а затем многие бушевавшие реки пересыхают, и путникам приходится доставать воду иногда с большим трудом, растапливая снег и лед.

Хотя на английской 4-мильной карте и следует около названия Каракорумского перевала отметка «open always» (открыт постоянно), по словам всех яркендцев, с которыми мне пришлось разговаривать, зимою этот перевал совершенно непроходим и завален снегом.

- По плато Дипсанг путь хотя и труден, но возможен. Относительно же перевала положительно уверяют, что он закрывается. Как пример, характеризующий последнее обстоятельство, наш старик Фазиль-Бай рассказал мне следующее. Около 33 лет тому назад в Лех приехал один бухарский царевич, и, хотя ему выдавалось от правительства полное довольствие натурой и, кроме того, ежедневно по 10 рупий, он все же пожелал проехать к себе на родину // и выбрал путь через Каракорумский перевал и Восточный Туркестан. В Лехе он нанял возчиков с 25 лошадьми и тронулся в путь. Они доехали с большими лишениями до места, где стоят три глинобитных конусообразных хижины («гумбез»), дальше двигаться было невозможно, так как половина лошадей пала, а путь был прегражден снегом. Часть возчиков тоже погибла; оставшиеся же бросили сына бухарского эмира с его двумя людьми в трех хижинах. Ящики с его серебром были оставлены на пригорке напротив, сами же возчики вернулись в Лех. Лехское начальство послало пять должностных лиц с 50 ладакцами на помощь. Наш Фазиль-Бай, проживавший тогда в Лехе, тоже был послан, как единоведец и почти сородич. Они застали всех трех уже трупами, страшно истощенными от голода, и похоронили сзади трех хижин, завернув в войлок. Их могилы заметны и сейчас.
- л. 36

- Мы остановились на ночлег верстах в двух выше трех хижин, пройдя мимо них. // Наш ночлег (по правде сказать, никаких отличительных признаков от другого места на некотором протяжении этой долины не имеющий) называется Чуйджуш-Джилга — «Урочище чайника». (Или, правильнее, «ложбина, небольшая долина (джилга) чайника».) Слово «чайджуш», обозначающее в Средней Азии чугунный кувшинообразный чайник, яркендцы произносят «чуйджаш».
- л. 37

Фазиль-Бай рассказал о следующей причине происхождения названия этого урочища.

Один богатый купец, ехавший этим путем вместе со своими

товарами из Индии, попал на место нашего ночлега и оказался совершенно без топлива (если последнее не захвачено с собою, то здесь достать нельзя — нет ни травинки). Мучимый желанием согреться, напившись чаю, он сжег сандаловые гребни, которые были в его товаре из Индии, стараясь согреть себя и вскипятить чайник. Последнее ему не удалось, хотя гребней он сжег на 13 ямб. Отсюда происхождение названия урочища. // Говорят, что купец потом велел поставить доску с надписью (теперь не сохранилась), заключавшую какие-то неслес- л. 38

ные выражения по поводу удобств остановки в этом месте. Выступили мы сегодня часов с семи. Было очень холодно, и вода была покрыта тонким льдом. Дорога идет вверх по реке, затем через подъем по небольшому ущелью поднимается к перевалу, или, вернее, выходит на плато Дипсанг. Высота чувствуется очень заметно и сказывается в ускоренном дыхании людей при небольшом усилии, отражается и на тяжело дышащих лошадях, чаще останавливающихся для передышки при подъеме.

Плато Дипсанг, на которое мы поднялись, очень разнится по характеру от того, что приходилось видеть, проезжая раньше, до этого места. Это холмистая равнина, местами покрытая мелкой галькой. Нам часто попадались тибетские антилопы, кото- л. 39

рых здесь очень много. // Все время, как я уже упоминал раньше, по всей дороге от Леха поражает количество павших и валяющихся на пути лошадей. Я думаю, что, не преувеличивая, можно сказать, что от Сассыра до Каракорума, проезжая каждый раз мимо павшей лошади, почти всегда можно увидеть другую, доехав до которой, а часто и раньше, увидите следующую и т. д. Это тем более поразительно и показывает на громадный процент потерь в животных по этому пути, если принять во внимание, что общее количество лошадей, проходящих ежегодно, не превышает, как мне говорили, 2—3 тысяч в каждую сторону.

Название Каракорумского перевала, как я и думал, образуется от «кара» — черный и «карам» — так называют яркендцы гряду камней или каменную осыпь. Это же слово встречается у таджиков верховьев Амударьи, которые его произносят «курмб».

// 19 июля/1 августа, 6 часов утра. л. 40
Урочище Баксун-Булак

Приехали сюда вчера около 5 часов вечера, сделав переход около 40 верст: верст 9 от Чуджаш-Джилга до вершины Каракорумского перевала и верст 30 от вершины перевала до теперешней остановки. Подъем на Каракорумский перевал со стороны Леха и спуск одинаково пологи и удобны. Чувствуется только сильно высота при движении лошадей, очень скоро запыхавшихся.

По сторонам перевала на горах есть снег, но и то в неболь-

шом количестве. При спуске с перевала вправо от дороги тянутся снеговые пятна версты на три, а затем остаются только на вершинах гор. Дорога идет по широкой долине, покрытой мелким щебнем без больших камней. Кругом горы желтого цвета, унылого вида, без всякой растительности. Первое место остановки, где есть трава, это Балти-Брангса. Долина, суживающаяся перед этим местом, выходит в // довольно широкую песчаную равнину, переехав которую и вступив в другую долину, мы расположились на ночлег в ее начале. Это урочище называется Баксун-Булак. На соседних холмах на правом берегу речки есть редкая трава, которой и могут питаться до некоторой степени лошади. Наши яркендцы говорят, что трава здесь немного лучше, чем в Балти-Брангса, где она очень плачевна. Всю дорогу нам очень часто попадались тибетские антилопы. На этом перевале П. А. удалось убить хорошего самца.

19 июля/1 августа. Малик Ша

Из Баксун-Булака дорога сейчас же поднимается на пригорок, покинув ложе речки, но вскоре снова спускается в широкую равнину, окруженную горами, вроде той, которую мы перешли раньше, перед Баксун-Булаком. Яркендцы называют их «майданами». Верстах в восьми от Баксун-Булака находится на этой равнине одинокий большой камень, называемый Чадыр-Таш (Палатка-Камень), а верстах в семи далее встречается другой, // остроконечнее, который называется Найза-Таш (Пика-Камень).

Невольно вспоминаются Памиры (Амчур) с такими же рядом стоящими названиями местностей. В урочище Вахаб-Джилга, находящемся между Чадыр-Ташем и Найза-Ташем, видны развалины каменной хижины. Дорога идет по широкому ложу, где струится небольшая речка, суживающемуся у Вахаб-Джилга и расширяющемуся далее. К сожалению, самая речка скоро пересыхает (по крайней мере она была пересохшей, когда проезжали мы), и остаток дороги проходит вниз по ее ложу. Не доезжая версты две до того места, где дорога раздваивается и где мы остановились сейчас на ночлег, в левой стороне речного ложа выбивает из земли сильный ключ, который течет вниз. На его берегу мы и остановились у разделения дорог. Местность эта называется Малик-Ша. Как раз у нашей стоянки идущая вниз дорога ведет к Кугияру. Жаль, что у нас мало ячменя, так как по этой дороге // до первого населенного пункта Кугияра дней восемь пути, но дорога, говорят, без перевалов и изобилует травой и топливом. Говорят, что теперь она труднопроходима из-за большой воды, так как, идя все время по долине речки, часто приходится переходить с одного ее берега на другой. Яркендцы рассказывали, что по этому пути попадает очень много антилоп.

Между прочим, об охоте здесь вообще. П. А. и майор Ф., стреляя здесь, [промахивались] то и дело. Пули все при этом

пролетали выше цели. Возникло предположение (догадался П. А.), что это результат разряженного воздуха, когда пуля, встречая меньше сопротивления, летит быстрее и проходит выше. Самое хорошее место по этой причине для охоты на антилоп — это Баксун-Булак, где есть самцы. Раньше до этого места нам все попадались самки. Сейчас вернулся майор Ф., ходивший верст за 5—6 по Кугиярской дороге. Он говорит, что видел большое стадо около сотни голов, но все были самки. В настоящее время года самцы живут отдельно. На сегодняшнем // ночлеге для лошадей опять нет травы, постанут бедные л. 44 животные.

20 июля/2 августа. Сугет Джангал

Выступили мы сегодня из Малик-Ша очень рано — в 4^{1/2} часа утра и на перевале Сугет мы были в 10 часов. Если выехать полчаса на остановку по дороге, то выходит, что мы ехали до перевала 5 часов, т. е. расстояние от Малик-Ша до вершины перевала равняется приблизительно верстам 20. На перевале провели 1^{1/2} часа, поджидая отставшие вьюки и производя метеорологические наблюдения.

Самый перевал очень легок. Подъем со стороны Малик-Ша удивительно полог и малозаметен. Версты за 2—3 до вершины начинают попадаться полосы снега, увеличиваясь по мере приближения к вершине перевала. Спуск к Сугет-Джангалю, исключая первые несколько шагов, совершенно бесснежен и, идя пологими зигзагами по мелкому щебню, смешанному с глиной, очень удобен и сравнительно недалек от дна долины, вниз по которой идет наша дорога далее. Прибыли мы на сегодняшний ночлег около 5 часов вечера, т. е., вычтя остановки, шли часов десять, что дает для расстояния от Малик-Ша до Сугета приблизительно 45 верст. // В общем перевал очень легок по своей л. 45 высоте. Дорога от перевала идет все время по долине, спускаясь по течению речки. Эта долина до поворота направо (до этого общее направление ее было с перевала на север) носит название Хутас-Джилга (Долина яков). После поворота долины вправо она называется Сугет-Баши, а при новом повороте вправо, при слиянии с другой речкой, впадающей с левой стороны, эта местность называется Сугет-Джангал.

Трава начинает появляться кое-где (довольно редко) несколькими небольшими прогалинами вскоре после спуска с перевала. Лучшее же место с травой, встреченное нами до сих пор, это наш сегодняшний ночлег в Сугете. Несмотря на то что при полном имени этого места прибавляется слово «джангал» («кустарник»), никакого джангала до сих пор мы еще не встретили. Говорят, что есть маленькие поросли ниже по течению речки. //

Сейчас я разговаривал с Рамазаном, проводником майора Ф., про движение по этой дороге. Он уверял меня, что буд-то бы ежегодно проходит в каждую сторону 2—5 тысяч лоша-

л. 46

дей. Последняя цифра, я думаю, преувеличена, так как в Лехе мне говорили, что ежегодная норма — это 1800—2000 лошадей в каждую сторону. Несмотря на то что теперь самое удобное время для движения, и раньше обыкновенно проходили в это время караваны, нам теперь их встретилось очень мало. Еще в Сринагаре мне жаловались яркендские и хотанские купцы на уменьшающееся торговое движение по этому пути, так как торговые караваны стали предпочитать более удобный и менее рискованный путь через Кашгар на Ош. Рамазан говорил, что возчиков напугал также недавний случай с запоздавшим караваном одного купца-индуса, когда из 170 лошадей уцелело 70, а остальные погибли. И Рамазан и другие уверяют, л. 47 что Каракорумский перевал начиная с декабря// бывает закрыт для движения приблизительно на три месяца.

Трупы павших животных теперь начинают попадаться значительно реже. Наш старик Фазиль-Бай говорил мне, что между Сассыром и Баксун-Булаком он насчитал 1800 остовов павших лошадей.

* * *

В записи от 21 июля/3 августа 1907 г. М. С. Андреев сообщает о выходе в долину р. Каракашдарья [тюрк. «Чернобровая»]. Начиная с Сугет-Кургана путешественникам время от времени попадались киргизские посевы ячменя. М. С. Андреев отмечает в своем дневнике малочисленность местного киргизского населения, насчитывающего всего около 60—64 кибиток. Эти киргизы являлись представителями четырех родов: теит, кесек, найман, кипчак [3, л. 46]⁶. Далее по пути М. С. Андрееву приходилось проходить через небольшие киргизские поселения — Аул Кичик-Яйлак, насчитывающий 15 кибиток, летовку Чучу-Яйлак, находящуюся в районе Ташкурмана⁷.

В записи от 22 июля/4 августа М. С. Андреев указывает следующий маршрут от Шахидуллы до Ташкурмана через Раскам:

- «1) Халь Тушкун или Шахидулла,
- 2) Киргиз-Джангал,
- 3) Кулан-Улды,
- 4) Чираг-Салды,
- 5) Чинушты,
- 6) Бурилюк,
- 7) Кур-Таш,
- 8) Чонг-Джангал,
- 9) Или-Су,
- 10) Даван-Тубя или Гуджек,
- 11) Кара-Таш,
- 12) Дебуар,
- 13) Ак-Таш,
- 14) Таш-Курган» [3, л. 50].

В последующих записях рассказывается о дальнейшем продвижении путешественников через селения Лянгар, Санджу, Лянгар-Буйра, Лянгар Сулуг-Аз, Куш-Таг, Каргалик, Се-Шанбе, Поскем, Шанбе, Яркенд, Яка-Арык, Ялгуз-Туграк, Арпалык, перевал Кизил-Даван, перевал Кара-Даван, р. Чарлунг, перевал Текесакрык, р. Каиз-су, сел. Тегерменлык, Кара-Джар, Чиль-Гумбез, Тойлы-Булун, Кизих-Рабат, Аждарнын-Кули, р. Пандж, перевал Буругиль. Последняя запись дневника сделана 2/15 сентября 1907 г. в сел. Намамгут в Вахане.

¹ О жизни и деятельности М. С. Андреева см. [10; 14].

² Шесть лет спустя, в 1913—1914 гг., по маршруту Кашмир-Балистан-Ладак — плато Дипсанг-Каракорум — Восточный Туркестан прошла итальянская экспедиция Филиппо де Филиппи с целью изучения этнической принадлежности местного населения, а также изучения геологии этого района и классификации горных хребтов (подробнее см. [17]).

³ Филиппо де Филиппи [17, с. 170—171] отмечает существование моравской миссии в Лехе, членам итальянской экспедиции приходилось общаться с миссионерами, от которых они получили некоторые сведения о языке, диалектах, истории, археологии Ладака. При миссии имелись школа и больница.

⁴ Здесь и далее топонимы, относящиеся к тибетскому языку, разъяснены М. И. Воробьевой-Десятовской, которой автор статьи выражает глубокую благодарность за ценные консультации.

⁵ В книге Филиппо де Филиппи [17, с. 276] указывается, что наиболее часто используемой в 1913—1914 гг. была дорога, которая пересекала Ладак через перевал Кардонг, поднималась по долине р. Нубры, отходила от нее к р. Шайок, пересекала горный хребет через перевал Сассыр. Кроме этой дороги имелось еще две: первая шла через перевал Чанг, поднималась к р. Шайок, затем вела к перевалу Каракорум; вторая — пересекала перевал Чанг, затем шла к востоку от р. Шайок к перевалу Марсимик, перевалу Чанг Лунг, спускалась к долине р. Кара-Каш, вела к Восточному Туркестану.

⁶ М. И. Лавров указывает пять родов, представителей которых он встретил среди киргизского населения в районе Раскама; теит, кесек, кипчак, бостан, найман [13, с. 376].

⁷ Любопытно сопоставить сведения, приведенные в статье С. М. Абрамзон [2, с. 71]. Согласно наблюдениям его информатора, относящимся к 1937—1938 гг., в Восточном Туркестане к югу от Ташкургана жили киргизы, относящие себя к племени катаган — около 2 тыс. семей.

Литература

1. *Абаева Т. Г.* Неизвестные материалы по народным верованиям Пригиндукушья. — Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина. Научные труды. Вып. 404. Таш., 1971.
2. *Абрамзон С. М.* Народные предания как источник для изучения этнической истории киргизов центрального Тянь-Шаня. — Этническая история народов Азии. М., 1972.
3. *Андреев М. С.* Поездка из Индии в Туркестан сухим путем в 1907 г. Дневник. — Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 3, оп. 1, док. 20.
4. *Андреев М. С.* По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. Таш., 1927.
5. *Андреев М. С., Пещерева Е. М.* Ягнобские тексты. М.—Л., 1975.
6. *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья). Вып. 1. Сталинабад, 1953.
7. *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья). Вып. 2. Сталинабад, 1958.
8. *Андреев М. С.* Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970.

9. *Андреев М. С., Чехович О. Д.* Арк Бухары в конце XIX — начале XX в. Душанбе, 1972.
10. *Акрамова Ф., Акрамов Н.* Востоковед Михаил Степанович Андреев. Душанбе, 1973.
11. *Воробьев-Десятовский В. С.* Собрание индийских рукописей.— Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Вып. 9. М.— Л., 1954.
12. *Грюнберг А. Л.* Языки Восточного Гиндукуша. Язык кати. Тексты, грамматический очерк. М., 1980.
13. *Лавров М. И.* Отчет по объезду округа консульства в Кашгаре, совершенного секретарем консульства Михаилом Ивановичем Лавровым (1902—1906). Дело [из россыпи] № 86.— Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР.
14. *Писарчик А. К.* Михаил Степанович Андреев.— Памяти Михаила Степановича Андреева. Сталинабад, 1960, с. 3—29.
15. Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г. Л., 1930.
16. *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965.
17. *Filippo de Filippi.* The Italian Expedition to the Himalaya, Karakoram and Eastern Turkestan (1913—1914). L., 1932.